

тельство устроить и вотчинами исполнити. Реша же ему боляре его: „Добрый, государь, совет начинаеши, много лет, государь, пребысть обитель чудотворца небрегома, а ныне в твое благочестивое царство хочет бог прославить обитель великого своего угодника чудотворца Никиты“. Благоверный же царь радостен бысть ответу их благому. Яко же государь восхоте, тако и сотвори, и наказную свою царскую грамоту веле игумену дати обители тоя о строении монастырьстем, и повеле государь игумену монастырь воздвигати и келии себе ставити и царице на свой царской приезд, и прочии келии на братию, и трапезу с теплою церковью во имя пречистые богородици честнаго ея Благовещения, и с келарскою основати, и ровы копати, и на вратех церковь поставити во имя архистратига Гавриила и честнаго его собора. И старую церковь разбирати повеле, поставление отца его благовернаго великаго князя Василия Ивановича всеа Руси самодержца, и новеишую церковь больши воздвигнути над гробом чудотворцовым во имя христова мученика Никиты, и предел преподобнаго чудотворца Никиты, а другий предел всех святых и службы уставляти по общежительству, и церкви святыя украшати святыми иконами и божественными книгами, и всякими лепотами церковными, и у гроба чудотворцова повеле благоверный царь свещу поставити неугасимую во веки веком. Колокол блавестной повеле государь к чудотворцу лити 36 пудов, и вотчинами наполнити своих царских подклетных сел. И около монастыря ограду камену повеле ставити».

«Сказание» оканчивается молением о сохранении царя «от нахождения иноплемненных бесермен и от латын и междоусобных брани». Слова о «латынах» указывают на время составления сказания — после начала Ливонской войны, т. е. после 1558 г.

«Чудо второе святого», следующее тотчас за «Сказанием», представляет собой рассказ об исцелении бесноватой женщины. Главный его интерес в том, что из его окончания мы узнаем об авторе. Сказав об игумене, дававшем бесноватой жене пить воду, автор говорит: «И аще хощеши уведати имя игумену тоя обители, второе первым начальством, двоесотное сотным слагай, я и пятидесятым ером завершается». В. О. Ключевский расшифровывает эту загадку как «Васьян»: ⁹ «второе» — «в», «первое» — «а», «двоесотное» или 200 — «с», «я и пятидесятое» — «н», завершается ером — «ъ».

Вслед за «чудом вторым» следует «Повесть о свершении большия церкви», которая далее печатается целиком

Это произведение задумано было также в житийном плане, но само содержание «Повести» шире обычного агиографического упражнения в словесности. Конечно, автор «Повести» склонен пользоваться церковными оборотами и различного рода припоминаниями: то о Никейском соборе и злочестивом Арии, то о Сергии Радонежском и т. п., но рассказываемые события вышли далеко за пределы чисто церковной тематики.

«Повесть» особенно интересна тем, что в ней Иван Грозный и царица Марья Темрюковна наделены чертами живых людей. Грозный предстает перед нами еще человеком, полным силы. В момент описываемых событий ему было всего 34 года. Это совсем не тот старый озлобленный человек, рано облысевший, беззубый, каким его рисуют иностранные писатели. Он сам читает на заутрени часы, сам поет со своею «станицею» певчих.

⁹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых... стр. 283, прим. 2. Текст у В. О. Ключевского приведен несколько неточно, тайнопись показана на л. 1325, точнее надо сказать, на обороте л. 1325.